Р-89

XXXIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

3.

Стр.

353. Архимандритъ Варлаамъ Высоцкій (изъ архивныхъ дѣлъ XVIII вѣка). **А. А. Титова.**

364. Воспоминанія **Богдана Тьебо.** Русскіе въ Берлинѣ во времена Фридриха II-го.

398. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его брату. 1822.

470. Изъ моей старины. Воспоминанія **князя А. В. Мещерскаго.** 1841.

505. Къ біографіи Лермонтова (его участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ). **Е. И. Козубскаго.**

513. Секта Радаева въ Нижегородской губерніи. **Ѳ. А. Кудринскаго.**

517. Юношеское стихотвореніе **М. И. Глинки.** Сообщилъ **В. В. Каллашъ.**

520. Изъ Записокъ **М. С. Сабининой.** 1854.

527. Извѣты Снегирева.

РОСТОВ МУЗЕЙ 26534

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1854-й годъ *).

Ночью, въ 12 часовъ, я уѣхала въ Штутгардтъ. Меня встрѣтилъ тамъ Ив. Ив. Базаровъ, съ сыновьями. На слѣдующій день, 10-го Іюля, мы осматривали Капштадтъ, а затѣмъ поѣхали на Ротенбергъ: эта гора находится на разстояніи одного часа ѣзды отъ Штутгардта; на ней выстроена православная церковь, въ которой покоится тѣло королевы Виртембергской Екатерины Павловны, первой супруги короля Виртембергскаго Вильгельма I-го. Въ первомъ бракѣ она была за принцемъ Ольденбургскимъ и имѣла двухъ сыновей, которые по смерти принца Ольденбургскаго, когда она вышла за короля Вильгельма I-го, воспитывались въ Капштадтѣ; изъ нихъ принцъ Петръ перешелъ на Русскую службу и скончался начальникомъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Мы осматривали въ Капштадтѣ домъ, гдѣ они жили: онъ очень небольшой и весьма просто отдѣланъ.

13-го Іюля. Въ дворцовой церкви въ Штутгардтѣ была обѣдня, за которой присутствовала кронпринцесса (в. к.) Ольга Николаевна. По окончаніи обѣдни меня представили ей. Зная моего отца и немного и меня, она была ко мнѣ очень милостива и похвалила за то, что говорю по-русски. Послѣ обѣда мы поѣхали въ старую виллу, къ Аннѣ Алексѣевнѣ Окуловой, бывшей воспитательницѣ Ольги Николаевны. Въ этой старой виллѣ жила Ольга Николаевна по своемъ пріѣздѣ въ Штутгардтъ; впослѣдствіи она выстроила себѣ по близости новую великолѣпную виллу, а старую занимала теперь А. А. Окулова, когда пріѣзжала въ Штутгардтъ. Въ скоромъ времени къ А. А. Окуловой пришли кронпринцъ Карлъ и кронпринцесса Ольга Николаевна, фрейлины ея, Е. Ф. Массенбахъ, Ф. Калденъ, дочь нашего посла въ Лондонѣ Брунова и нашъ посланникъ въ Штутгардтѣ В. П. Титовъ съ супругой, рожд. Хрептовичъ. Когда всѣ собрались, то направились въ бесѣдку въ Русскомъ стилѣ и пили чай. Сыновьямъ Базарова принесли мячики, чтобы играть, и привели осла ея высочества, чтобы они

*) См. стр. 119.

катались на немъ по саду. Во время чая изъ близъ лежащаго боскета послышался мужской хоръ Русскихъ церковныхъ пѣвчихъ, которые исполнили нѣсколько номеровъ и «Stabat Mater» Львова. Великая княгиня глотала слезы и говорила потомъ, что «Stabat Mater» была первая музыка, которую она съ императрицей Александрой Ѳеодоровной слышала послѣ смерти императора Николая Павловича. Воспоминаніе этого пережитаго горя вновь представилось ей. По окончаніи пѣнія, гуляли по саду и взошли въ стеклянную галлерею, находящуюся сверхъ оранжереи. Тамъ стояло плохое старое четырехъугольное фортепьяно. Меня попросили играть. Я сыграла «Бывало» Гензельта, вальсъ *Des*, мазурку *B* и этюдъ *As* Шопена, рапсодію № II Листа и Marche funèbre Шопена. Кронпринцъ нашелъ, что фортепьяно слишкомъ плохое для меня, и сказалъ, что надѣется услышать меня на хорошемъ роялѣ. Великая княгиня вела очень оживленный разговоръ, перемѣшивая Русскій, Французскій и Нѣмецкій языки. Кронпринцъ со мной говорилъ по-нѣмецки. Великая княгиня спросила, что̀ Листъ береть за урокъ? Я ей отвѣчала, что ничего, и что онъ очень разборчивъ и не всякаго принимаетъ въ число своихъ учениковъ, а даетъ уроки только тогда, когда считаетъ, что труды его и время не пропадутъ даромъ. На это великая княгиня возразила: «Ainsi il trouve bien la peine de vous donner des leçons. In Liszt, продолжала она, bewundere ich immer den musikalisches Hexenmeister. Il est à trois quarts diable et joue de même; aber das ist auch alles». Она не могла себѣ представить, чтобы онъ могъ дирижировать; на это я сказала великой княгинѣ, что онъ одинъ изъ лучшихъ дирижеровъ нашего времени. Когда я откланивалась, великая княгиня мнѣ сказала: «Comme je vous envie de pouvoir jouer comme vous jouez; je me fâche chaque fois contre moi-même, lorsque j'entends ou que je vois quelque chose de beau, et que je ne suis pas en état de le faire aussi».

14-го Іюля. Мы осматривали дворецъ въ городѣ, гдѣ много хорошихъ картинъ, и поѣхали осматривать загородный дворецъ короля «Rosenstein», гдѣ собрана коллекція красавицъ, нарисованныхъ масляными красками. Затѣмъ отправились въ виллу, сдѣлать визитъ камеръ-фрау Ольги Николаевны, С. А. Роговой, которая такъ изучила свою великую княгиню, что до мельчайшихъ подробностей переняла всѣ ея манеры, съ той только разницей, что у великой княгини это было природное, а у той выученное. Великая княгиня узнала, что я у Роговой, и велѣла меня позвать къ себѣ. На ея отличномъ роялѣ иначе игралось, чѣмъ на вчерашнемъ клавикордѣ! Великую княгиню забавляло меня экзаменовать, и я безъ устали играла все, что̀ она ни спрашивала, такъ какъ все это было мнѣ извѣстно. Передача моя сонаты

Бетховена ей очень понравилась; она сказала: «Обыкновенно ее такъ schulmeisterlisch играютъ».—«Мнѣ было пять лѣтъ», сказала в. к., «когда моя тетушка Марія (вел. княг. Марія Павловна) пріѣхала къ намъ въ Россію. Я только-что начинала играть и каждый разъ со слезами. Марія Павловна зашла разъ ко мнѣ на урокъ и, услыхавъ, какъ я играю, объявила мнѣ, что у меня нѣтъ таланта. Когда я услышала это, во мнѣ пробудилось самолюбіе; я продолжала урокъ и на другой день подавила свои слезы во время урока. Съ тѣхъ поръ я старалась не показывать, когда мнѣ что-либо трудно было сдѣлать, а старалась преодолѣть трудности. Теперь я очень мало играю по близорукости: глаза сильно устаютъ. Я играю теперь въ четыре руки съ кронпринцемъ вещи для двухъ рукъ; я играю правую, а онъ лѣвую».

17-го Іюля. Великая княгиня опять меня пригласила къ себѣ играть. Когда я сыграла «Ты не повѣришь» Гензельта, великая княгиня сказала: «онъ ничего не чувствовалъ, когда это писалъ». «Ständchen» Шуберта, переложенная Листомъ, ей очень понравилась, также и романсъ Вольфрама изъ Тангейзера Вагнера «О ты, моя прелестная, вечерняя звѣзда», переложенный Листомъ же. Затѣмъ я сыграла сонату (f-moll) Бетховена. Великая княгиня была очаровательна, и кронпринцъ тоже какъ-то растаялъ.

Послѣ того, что̀ я простилась съ ихъ высочествами, Анна Алексѣевна сказала мнѣ: «Прощайте, Марѳа Степановна»; а великая княгиня сказала: «Adieu, Marzipan». Анна Алексѣевна съ удивленіемъ спросила: «Qu'est ce que cela veut dire?» на что̀ великая княгиня отвѣчала: «Les Allemands ne diront jamais Marfa, mais Marthe, et Stépanowna ils raccourciront, et il en sortira chez eux: Marzipan.» Много смѣялись моей новой кличкѣ. Великая княгиня спросила меня: «Васъ восемь человѣкъ дѣтей?» Я отвѣчала: «Нѣтъ, ваше высочество, одиннадцать».—«Ахъ, какъ много», сказала великая княгиня. Анна Алексѣевна сказала: «Это ничего; пусть ихъ будетъ сорокъ, если только они всѣ такія талантливыя». На что великая княгиня замѣтила: «Mais pensez, si ces quarante enfants se marient, et chacun d'eux aura de nouveau quarante enfants, ce sera pourtant un peu trop».

22-го (10) Іюля. Я провела вечеръ въ семействѣ Штофрегена, перваго секретаря при нашемъ посольствѣ въ Штутгардтѣ. Тамъ я встрѣтила въ первый разъ князя А. М. Горчакова, который въ то время былъ посломъ въ Вѣнѣ. Онъ былъ живой, разговорчивый и любезный человѣкъ. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, роста выше средняго, фигура довольно полная, волосы слегка сѣдые, коротко остриженные, и на головѣ плѣшь. Въ Штутгардтъ онъ пріѣхалъ всего на одинъ день, къ именинамъ великой княгини. Понятно, что онъ былъ душою общества. Кромѣ него былъ еще Ив. Пв. Базаровъ.

23-го (11) Іюля. Обѣдня по случаю тезоименитства великой княгини Ольги Николаевны. Послѣ обѣдни ея высочество принимала поздравленіе отъ всѣхъ присутствующихъ: тутъ были Титовъ, князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ съ женою и дочерьми, Варварою и Любовью, г-жа Княжевичъ съ дочерьми, Аделунгъ, секретарь ея высочества, молодая г-жа фонъ-Бруновъ; а изъ Нѣмцевъ графъ Цеплинъ и фрейлины, баронесса Массенбахъ и Калденъ. Вечеромъ большое общество собралось опять у Штофрегенъ.

24-го (12) Іюля. Отъ 4-хъ до 7 часовъ я опять была у кронпринцессы. Ея высочество встрѣтила меня словами: «Что, Марципанъ, отдохнули физически et comment dire, moralement aussi? Что, у васъ есть письма изъ дома? А вѣрно не отвѣчали?» Въ то время я очень любила писать, и у меня была большая корреспонденція, такъ что я отвѣчала, что очень часто пишу домой. По просьбѣ кронпринца, я сыграла увертюру Тангейзера. Когда я ее кончила, онъ сказалъ: «C'est très-étrange. Затѣмъ, по желанію великой княгини, я сыграла Каприччьо E-dur Мендельсона. Она была въ восхищеніи. Потомъ «Chant du berger» Шульгофа (она сказала: «C'est l'amour d'une jeune fille de quinze ans»), сонату cis-moll Бетховена, чѣмъ она осталась очень довольна, и Andante изъ маленькой сонаты B-dur Бетховена же. Кронпринцъ сказалъ: «Sie spielen Beethoven ganz anders, wie man ihn gewöhnlich hört». На что великая княгиня возразила: «Oui, elle comprend ce qu'elle joue. Vous ne jouez pas seulement bien, mais vous sentez ce que vous jouez». Разговоръ палъ на Шарля Майера. Великая княгиня сказала: «Papa l'appelait toujours Trommel-Mayer. Il donnait des leçons aux filles des Nesselrode et les faisait jouer chacune deux heures par jour, et comme elles étaient six, le piano était journalièrement en mouvement pendant douze heures». Объ Антонѣ Рубинштейнѣ она сказала: «это отличный музыкантъ».

Во время Andante сонаты B-dur Бетховена, присутствовавшая молодая дѣвица ф.-Бруновъ громко расхохоталась. Кронпринцъ сказалъ: «Comme c'est mal élévé!» Фрейлина фонъ-Массенбахъ, которая тоже тихо смѣялась, встала со стула и отошла къ окну. Великая княгиня смотрѣла на меня сконфуженная, думая, что я обидѣлась; но я продолжала играть. Когда я кончила, великая княгиня обратилась къ дѣвицѣ фонъ-Бруновъ съ вопросомъ: чему она смѣялась? Г-жа ф.-Бруновъ, красивая, но недалекаго ума, дѣвушка, отвѣчала: M-lle de Massenbach a ri». Послѣдняя ничего не отвѣчала, только встала передъ великой княгиней и молчала. Чтобы прекратить это неловкое для всѣхъ положеніе, я сказала что-то великой княгинѣ и сыграла еще вальсъ (F-dur) Шопена, какъ послѣднюю вещь. Великая княгиня мнѣ сказала:

«Vous ne jouez pas seulement bien, mais ce qu'on appelle délicieusement. Ce pianissimo! Non, ce pianissimo, que vous avez! Великая княгиня сказала мнѣ: «Вы еще не видѣли мой кабинетъ и мою спальню; пойдемте, я вамъ ихъ покажу». Придя туда, ея высочество сперва показала мнѣ красивый видъ съ балкона, а затѣмъ сказала: «Vous avez désiré mon portrait» (и въ это время даетъ мнѣ очень красивый), «ne m'oubliez pas. Et pour que vous sachiez qui c'est, j'ai mis mon nom au bas du portrait, et voici quelque chose que je vous prie de porter en vous rappelant de moi». Это были двѣ брилліантозыя булавки для волосъ. «Je vous remercie beaucoup; je ne puis vous dire quel plaisir vous m'avez fait. Поклонитесь отъ меня дома. Пріѣзжайте опять къ намъ зимою».

Кронпринцъ тоже, прощаясь со мной, сказалъ мнѣ: «Es hat mir grosse Freude gemacht sie zu hören. Kommen Sie doch diesen Winter einmal hier; ich habe viele Plane für dieses Jahr, musikalischer Hinsicht», и отпустилъ очень милостиво.

27-го (15) Іюля. Я оставила Штутгардтъ и поѣхала въ Баденъ-Баденъ, куда меня проводилъ И. И. Базаровъ. Тамъ я остановилась у знакомыхъ и вечеръ провела у г-жи Титовой; познакомилась съ княгиней Маріей Аркадьевной Вяземской, рожд. Столыпиной, еще очень красивой и пріятной личностью, съ ея двумя дочерьми Бекъ (отъ 1-го брака) и съ г-жей Столыпиной, женой нашего посланника въ Баденѣ.

29-го (17) Іюля. Полюбовавшись днемъ красивыми окрестностями Бадена, я вечеромъ пошла посмотрѣть курзалъ, «das Narrenhaus», какъ выразилась о немъ извѣстная пѣвица Сабина Гейнсфеттеръ. Право, голова кружилась отъ этой массы народа, отъ вида страстныхъ лицъ и ихъ выраженія у рулетки. Между сидящими у стола противъ крупье я увидала нѣсколько дамъ большого Петербургскаго свѣта: жаль было ихъ видѣть въ этой обстановкѣ.

30-го (19) Іюля. Я опять провела вечеръ у г-жи Титовой, съ тѣми же лицами, какъ и въ первый разъ; только еще прибавились баронъ Мейендорфъ съ женою и баронъ Николаи съ женою. Послѣдній зналъ всю нашу семью и помнилъ меня еще ребенкомъ въ Копенгагенѣ, гдѣ его отецъ былъ Русскимъ посланникомъ, и мой отецъ долго при немъ служилъ.

1-го Августа (20-го Іюля). Г-жа Титова повезла меня смотрѣть водопады, послѣ чего я у нея осталась къ чаю.

3-го Августа (22 Іюля). Я поѣхала на Баденское кладбище, поклониться праху В. А. Жуковскаго. Затѣмъ ко мнѣ пріѣхала госпожа Столыпина, и мы съ ней поѣхали къ м. Калерджи. Я столько наслы-

шалась о ея игрѣ, что мнѣ интересно было ее видѣть и слышать. Въ молодости, въ домѣ своего дяди, канцлера Нессельроде, въ Петербургѣ, она училась у Карла Майера, но потомъ была одной изъ лучшихъ ученицъ Шопена и много играла съ Листомъ. Войдя въ комнату, я увидѣла передъ собой высокую, красивую даму въ бѣломъ нэглижэ, съ бантами изъ зеленыхъ лентъ. Она была хороша собой, и въ ней поражали безукоризненный цвѣтъ лица, густые, свѣтлые, рыжеватые волосы и руки, исключительно красивыя для играющей. Какъ игра ея, такъ и вся ея фигура была, какъ бы изъ мрамора высѣченная. Какъ ученицу Листа, она меня приняла очень любезно, подробно разспрашивала о немъ, о его житьѣ-бытьѣ въ Веймарѣ и о княгинѣ Витгенштейнъ. О музыкѣ она говорила, какъ артистка и знатокъ, безъ всякой односторонности, слѣдя за всѣми новыми явленіями и направленіями. У нея я встрѣтила віолончелиста Коссмана, который обыкновенно проводилъ лѣто въ Баденъ-Баденѣ. Мы съ ней сговорились на другой день встрѣтиться у г-жи Столыпиной и играть другъ другу. Сперва она мнѣ играла: Прелюдъ (s-moll) Шопена, Шаконнъ I. С. Баха, Valse-caprice Листа, Warum и романсъ Р. Шумана и Lied ohne Wort Мендельсона. Шопена она играла прелестно, граціозно, фантастично, очень свободно, но все кокетливо. Иногда она точно чеканила ноты; какъ мраморное изваяніе, выходили звуки, или цѣлая композиція, какъ напримѣръ Prélude (c-moll) Шопена. Она рѣзко оттѣняла, имѣла восхитительное mezzo-voce и едва дышущее pianissimo. Почти всѣ пассажи она играла легко и граціозно. Ни раньше, ни позже не слыхала я подобной законченной игры: она играла единственно въ своемъ родѣ, ея игра представляла какъ бы маленькія картины. Я сыграла ей Berceuse Листа, рапсодію (Fis-dur), балладу (Des) его же, и capriccio (B-dur) Мендельсона. Она осталась довольна моей игрой и завидовала мнѣ, что я могу играть такія большія вещи, говоря, что она не имѣетъ ни силы, ни терпѣнія выучить ихъ. Г-жа Столыпина попросила меня сыграть вальсъ (cis-moll) Шопена; когда я кончила, м. Калерджи мнѣ сказала: вы играете это прелестно, но позвольте мнѣ теперь сыграть вамъ это, какъ одну изъ послѣднихъ вещей, которыя я играла у Шопена. Она понимала, усвоила себѣ этотъ вальсъ и сыграла его до такой степени иначе, чѣмъ я, что когда она кончила, мы взглянули другъ на друга и расхохотались. Она мнѣ сказала: «Вы не смѣете измѣнить ни одной ноты въ этомъ вальсѣ, какъ вы его играете; вы его такъ меланхолически играете, какъ только можно его себѣ представить; а я, противоположно вамъ, играю его, какъ кокетка». Она играла его гораздо скорѣе меня. Ея игра произвела на меня глубокое впечатлѣніе.

4-го Августа. Я посѣтила въ Баденѣ г-жу Маркези, рожд. Гейнсфеттеръ. Совсѣмъ молодая, я ее слышала еще въ Веймарѣ, когда она тамъ бывала у моихъ родителей. Она была очень прямодушная, witzige Natur, и не искала изящныхъ словъ, но прямо, иногда очень рѣзко и даже грубо, выражалась.

5-го Августа. Въ 8 часовъ утра я оставила Баденъ-Баденъ, а 6-го, въ 3 часа утра, пріѣхала въ Веймаръ. Въ тотъ же день была у Листа и давала ему отчетъ въ своей поѣздкѣ. Онъ называетъ м. Калерджи своей придворной піанисткой.

Отдохнувъ въ продолженіе двухъ дней и повидавшись со всѣми друзьями, я отправилась въ Лаухъ, имѣніе г-на Ф.-Гопфгартенъ, чтобы тамъ въ деревнѣ отдохнуть, какъ слѣдуетъ. Но, къ несчастью, было очень дождливое лѣто, и приходилось выбирать погоду, чтобы иногда пройтись по полямъ и лѣсамъ. Противъ нашихъ оконъ находилась гора Венеры (Venusberg), воспѣтая Вагнеромъ въ его Тангейзерѣ; народное преданіе указываетъ мѣсто, гдѣ былъ гротъ Венеры, куда она своимъ пѣніемъ завлекла Тангейзера. Въ рѣдкіе хорошіе дни мы осматривали окрестности Лауха: Рейнгартсбрунъ, Рула, Альтенштейнъ, Лобенштейнъ, Бархфельдъ, Сальцунгенъ и т. д. Но всему хорошему бываетъ конецъ, и 21 Августа я опять возвратилась въ Веймаръ.